

В литературе по бюрократии значительное внимание уделялось проблемам управления организациями, чьи мотивация и поведение в процессе обучения куда сложнее, чем те, что рассматриваются в «машинной» модели.

Помимо этого, мы рассмотрели три различных режима влияния на мотивацию индивидуумов в организации, уделив особое внимание согласованности между индивидуальным отношением и требованиями организации, которая отразилась в мотивации к производству.

Из результатов нашего анализа следует, что влияние на мотивацию к производству — это функция от влияния на (а) вызывание альтернатив действий для индивидуума, (b) последствия вызванных альтернатив, ожидаемые индивидуумом, а также (с) значения, придаваемые этим последствиям индивидуумом.

Каждый из этих аспектов отчасти контролируется организацией, а отчасти определяется внеорганизационными факторами. Степень организационного контроля, в свою очередь, зависит частично от поведения организации (например, приемов руководства на местах), а частично от факторов, находящихся по большей части вне ее контроля (например, общих экономических условий).

Рассматривая другое основное мотивационное решение, которое мы опишем — решение об участии, — мы попытаемся показать, в чем сходство и различие между этим решением и производственными решениями, которые мы только что рассмотрели. Мы надеемся, что к концу Главы 4 нам удастся изучить информацию, накопленную к настоящему моменту по вопросу участия в организациях.

Перевод М.О. Манько

Ю. ХАБЕРМАС

ТЕОРИЯ КОММУНИКАТИВНОГО ДЕЙСТВИЯ¹

Экскурс в теорию аргументацию²

Использованное ранее в интуитивном порядке понятие рациональности относится к системе притязаний на значимость (Geltungsanspruch), которую, как показывает Таблица 2, следовало бы разъяснить с помощью теории аргументации. Но эта теория, несмотря на философскую традицию, восходящую еще к Аристотелю, до сих пор находится в колыбели. Логика аргументации относится не к отношениям вывода между семантическими единицами (суждениями), как формальная логика, а к внутренним, также недедуктивным, отношениям между прагматическими единицами (речевыми действиями), из которых выводятся аргументы. Иногда она выступает под наименованием «неформальной логики»³.

Для первого международного симпозиума по вопросам неформальной логики организаторы предложили следующие темы (Gründe) и мотивы:

Табл. 2.
Типы аргументации

Типы отношений / формы аргументации	Проблематичные высказывания	Противоречивые притязания на значимость
Теоретический дискурс	Когнитивно-инструментальные	Истина высказываний; действительность телеологических действий
Практический дискурс	Морально-практические	Правильность норм действия
Эстетическая критика	Эвалюативные	Применимость ценностных стандартов
Терапевтическая критика	Экспрессивные	Истинность выражений
Экспликативный дискурс	-	Понятность или правильная оформленность (Wohlgeformtheit) символических конструкторов

¹ Продолжение. Начало см. в предыдущих выпусках журнала.

² Перевод сделан по изданию: Habermas Jürgen. Theorie des kommunikativen Handelns. 3. Auflage. Frankfurt am Main, 1985. Bd.1. S. 44—55.

³ В том, что касается сферы действия немецкого языка, сравни исследовательский доклад П.Л. Фёлцинга «Argumentation», in: Z. f. Litwiss. U. Ling., 10. 1980. 204 ff.

- Серьезное сомнение в том, достаточны ли дедуктивные логические и стандартные индуктивные логические подходы для моделирования всех, или хотя бы основных, форм легитимной аргументации.

- Убеждение в том, что существуют стандарты, нормы или советы для аргументированной оценки, которые, следовательно, являются логическими — не чисто риторическим или специфически-доменным (*domainspecific*) — и в то же время не являются охваченными категориями дедуктивной обоснованности, убедительности (*soundness*) и индуктивной силы.

- Желание создать целостную теорию мышления, которая находится вне пределов формальной дедуктивной и индуктивной логики.

- Вера в то, что теоретическое прояснение (*clarification*) мышления и логического критицизма в неформальных терминах имеет прямые последствия для таких областей философии как эпистемология, этика и философия языка.

- Интерес ко всем типам дискурсивного убеждения, сочетающийся с интересом картографирования линий между различными типами дискурсивного убеждения и совпадений между ними».

Эти убеждения характеризуют позицию, которую Ст. Тулмин разработал в своем основополагающем исследовании «Использование аргумента»⁴ и из которой он исходил в своем исследовании по истории науки «Человеческое понимание»⁵.

С одной стороны, Тулмин критикует *абсолютистские* представления, которые сводят теоретическое знание, морально-практические взгляды и эстетические оценки к дедуктивно принудительным (*zwingende*) аргументам или эмпирически принудительным очевидностям (*Evidenzen*). Постольку, поскольку аргументы в смысле логического следования являются принудительными, они не способствуют ничему субстанциально новому; и поскольку они вообще имеют субстанциальное содержание, они основываются на очевидностях и потребностях, которые с помощью больших систем описания и в свете взаимосвязанных теорий могут интерпретироваться различным образом и поэтому не предлагают никакой ультимативной основы.

С одной стороны, Тулмин равным образом критикует *релятивистские* представления, которые не могут объяснить своеобразное непринудительное принуждение (*zwanglose Zwang*) лучших аргументов и универсалистских коннотаций и принять во внимание притязания на значимость (*Geltungsansprüchen*) такие, как истина суждений (*Propositionen*) или правильность норм: «Тулмин доказывает, что никакая позиция не рефлексивна; это значит, что никакую позицию нельзя рассматривать в ее собственных рамках в том, что касается ее «рациональности». Абсолютист не может обращаться к другому Первопринципу (*another First Principle*) для того, чтобы обосно-

⁴ Toulmin St. The Uses of Argument. Cambridge, 1958.

⁵ Toulmin St. Human Understanding. Princeton, 1972.

вать свой первоначальный Первопринцип и защитить статус доктрины Первопринципов.

С другой стороны, релятивист находится в специфической (и самопротиворечивой) позиции доказательств того, что его доктрина в определенной мере находится выше релятивности суждений, которые он полагает действительными для всех других доменов (*domains*)»⁶.

Но если значение выражений не может быть ни эмпирически обнаруженным, ни абсолютистски обоснованным, то возникают именно те вопросы, на которые и должна дать ответ *логика аргументации*: Как мы можем с помощью солидных оснований (*gute Gründe*) обосновать ставшие проблематичными притязания на значимость? Как, со своей стороны, можно критиковать эти основания? Что делает одни аргументы и, тем самым, основания, которые соответствуют притязаниям на значимость, более слабыми или более сильными, чем другие?

В аргументирующей речи (*argumentativen Rede*) можно выделить три аспекта. Во-первых, с точки зрения *процесса*, речь здесь идет о неправдоподобных — в силу своей идеальности — условиях достаточно условной (*angenäherte*) формы коммуникации. В этом отношении я попытался указать на всеобщие коммуникативные предпосылки аргументации как определений идеальной речевой ситуации⁷. Это предложение может быть неудовлетворительным в чем-то; но мне по-прежнему кажется правильной интенция, реконструировать всеобщие симметричные условия (*allgemeinen Symmetriebedingungen*), которые каждый компетентный высказывающийся (*Sprecher*), поскольку он вообще полагает необходимым вступить на поле аргументации, должен предполагать в достаточной мере реализованными.

Участники процесса аргументации должны в общем предполагать, что структура их коммуникации благодаря чисто формально описываемым признакам исключает (и, тем самым, также отвлекается от всех мотивов помимо совместного поиска истины) любое принуждение (действует ли оно на процесс понимания извне или является внутренним), кроме принуждения со стороны наилучшего аргумента. В этом аспекте аргументацию можно рассмотреть как *рефлексивно развернутое продолжение другими средствами ориентированного на понимания действия*.

Поскольку аргументация, во-вторых, рассматривается как *процедура*, речь идет о *специальным образом регулируемой* форме интеракции. А именно дискурсивный процесс понимания в форме разделения труда между пропонентами и оппонентами нормируется тем, что участники:

- тематизируют ставшие проблематичными притязания на значимость и,
- будучи освобожденными от давления действий и опыта в гипотетической установке

⁶ Bursleson B.R. On the Foundations of Rationality, in: Journ. Am. Forensic Assoc. 16. 1979. P. 113.

⁷ Habermas (1973c).

- проверяют с помощью оснований или только основаниями, является ли защищаемое проponentом притязание правомерным или нет.

Наконец, аргументацию можно рассмотреть с третьей точки зрения: она направлена на то, чтобы *создать* основательные, убедительные (*uberzeugende*) в силу связи с внутренними (*intrinsischer*) свойствами явлений аргументы, с помощью которых можно удовлетворить или отклонить притязания на значимость. Аргументы — это те средства, с помощью которых может быть достигнуто интересубъективное признание для выдвинутых поначалу гипотетически притязаний на значимость проponentа и, тем самым, мнение можно трансформировать в знание. Аргументы обладают всеобщей структурой, которую Тулмин, как известно, характеризует следующим способом. Аргумент состоит из проблематичного высказывания (*Aussendung*), по отношению к которому выдвигается определенное притязание на значимость (*conclusion*), и из основания (*ground*), благодаря которому должно осуществляться это притязание.

Обоснование (*Grund*) осуществляется с помощью правила (правила вывода, принципа, закона и т.д.) (*warrant*). Последнее основано на очевидностях разного рода (*backing*). В случае необходимости притязание на значимость должно быть модифицировано или ограничено (*modifier*)⁸. Но это предложение, в особенности в отношении дифференциации между различными уровнями аргументации, нуждается в улучшении, но каждая теория аргументации стоит перед задачей указать на всеобщие свойства основательных аргументов. Оттого формально-семантическое описание используемых в аргументах положений является хотя и необходимым, но не достаточным.

Три названных аналитических аспекта можно связать с теоретическими точками зрения, в связи с которыми могут быть отграничены друг от друга известные дисциплины аристотелевского канона: риторика занимается аргументацией как *процессом*, диалектика — прагматическими *процедурами* аргументации, а логика — их *продуктами*. Фактически в аргументации в связи с каждым из этих аспектов в зависимости от обстоятельств выступают *другие* структуры: структуры идеальной, специфическим образом имеющей иммунитет против репрессий и неравенства речевой ситуации; в определенной мере —

⁸ Тулмин привел этот анализ в: Toulmin, Rieke, Janik (1979). Он резюмирует его следующим образом: «Должно быть ясным, на какой именно *вид* результата направлен аргумент (скорее эстетический, чем научный, скорее юридический, чем психиатрический), а также какова намеченная *цель*». *Основания (grounds)*, на которых последняя базируется, должны быть релевантными *требованию*, провозглашенному аргументом, и должны быть достаточными для его обоснования. *Основания (warrant)*, достаточные для того, чтобы гарантировать это доказательство, должны быть применимы к обсуждаемому случаю и основаны на прочном *фундаменте (backing)*. *Модальность*, или *сила*, итогового (*resulting*) требования должна быть эксплицитной, и возможные *опровержения* или исключения, должны быть хорошо поняты (106).

структуры ритуализованного состязания (*Wettbewerbs*) за лучшие аргументы, наконец, структуры, которые определяют создание отдельных аргументов и их отношений друг к другу. Ни на одном из этих аналитических уровней все же нельзя достаточным образом развить идею, присущую аргументированной речи.

Основополагающая интуиция, которую мы связываем с аргументацией, позволяет аспект процесса характеризовать, прежде всего, с помощью намерения убедить универсальную аудиторию и добиться для высказываний всеобщего согласия; в аспекте процедуры — с помощью намерения завершить спор о гипотетических притязаниях на значимость *рационально мотивированным согласием*; в аспекте продукта — с помощью намерения обосновать или *подтвердить* определенное притязание на значимость с помощью аргументов. При попытке проанализировать соответствующие основные с точки зрения теории аргументации понятия как «согласие универсальной аудитории»⁹ или «достижение рационально мотивированного согласия»¹⁰ или «дискурсивное подтверждение (*Einlösung*) притязания на значимость»¹¹ интересно проявляется то, что оказывается невозможным поддерживать разрыв между тремя аналитическими уровнями.

Это я мог бы показать на примере самой недавней попытки доказать теорию аргументацию *только на одном* из этих абстрактных уровней, а именно в том, что касается собственно аргументации как процесса. В соответствии с установкой (*Ansatz*) Вольфганга Кляйна¹² является целесообразным придать риторической постановке вопросов последовательную опытно-научную направленность (*Wendung*). Кляйн выбирает внешнюю перспективу наблюдателя, который мог бы описать и объяснить процессы аргументации. При этом этот наблюдатель не ведет себя объективистски в том смысле, что было бы приемлемо только наблюдаемое поведение участников процесса аргументации (*Argumentationsteilnehmern*); при строго бихевиористских предпосылках аргументативное поведение в общем не могло бы дискриминироваться вербальным поведением.

Кляйн исходит из смысла аргументации; но он хочет исследовать ее без объективной оценки используемых аргументов в строгом соответ-

⁹ *Perelman Ch., Olbrechts-Tyteca L. La nouvelle rhétorique. 2. Aufl. Brüssel, 1970.*

¹⁰ *Habermas (1973c)*. Важное понятие рациональной мотивации, конечно, проанализировано еще не достаточно; сравни: *Aronovitch H. Rational Motivation, Philos. Phenom. Res., 15, 1979, 173 ff.*

¹¹ Toulmin (1958).

¹² *Klein W. Argumentation und Argument, in: Z.f. Litwiss. U. Ling., H. 38/39, 1980, 9 ff.* С некоторыми другими акцентами эту склонность Макс Мюллер применил к моральной групповой дискуссии с детьми и молодежью. Сравни: *Miller M. Zur Ontogenese moralischer Argumentationen, in: Z.f. Litwiss. u. Ling. H. 38/39, 1980, 58 ff.;* его же *Moralität und Argumentation, in: Newsletter Soziale kognition 3, TU Berlin 1980.*

вии с дескриптивной установкой (Einstellung). Он дистанцируется не только от Тулмина, который исходит из того, что смысл аргументации включает, по меньшей мере, имплицитную оценку используемых аргументов; он также отходит от традиции риторики, которая была обращена больше к убеждающей речи, чем к ее истинностному содержанию (Wahrheitsgehalt): «Схема Тулмина в определенном отношении значительно ближе действительной аргументации, чем к критикуемым им формальным установкам (Ansätze), но это схема *правильного* аргументирования; Тулмин не проводит эмпирических исследований, как это люди и делают в реальности. Это верно также и для Перельмана и Ольбрехт-Титека (Perelman/Olbrecht-Tytesca), хотя они среди всех философских установок ближе всех подошли к реальной аргументации; но понятие «универсальная аудитория», являющееся одним из центральных, определенно не имеет в виду группу реальных живых людей, например, современное население земли; она является какой-нибудь – впрочем, отнюдь не так легко овеществляемой – инстанцией... Для меня речь идет не о том, что является рациональной, разумной или правильной аргументацией, а о том, как люди, будучи настолько глупыми (dumm), насколько они ими являются в действительности, фактически аргументируют»¹³.

Я хочу теперь показать, как Кляйн в своей попытке исходить из внешней перспективы с целью строгого отделения «фактического» аргументирования от «значимого» («gültigen»), поучительным образом запутывается в противоречиях.

Вначале Кляйн определяет сферу аргументативной речи: «В аргументации пытаются с помощью коллективного значимого (Geltenden) что-нибудь коллективно сомнительное (Fragliches) трансформировать (überführen) в что-нибудь коллективно значимое («kollektiv Gültigen»)»¹⁴. Участники процесса аргументации могли бы разрешить проблематичные притязания на значимость с помощью оснований (Gründen); и они заимствуют свою убеждающую силу в конечном итоге из коллективного непроблематичного знания. Эмпирическое сжатие (Verkürzung) смысла аргументации проявляется теперь в том, как Кляйн использует понятие «коллективно значимое» («kollektiv Geltenden»). Он понимает под этим только те представления (Auffassungen), которые в определенные эпохи фактически разделяют определенные группы; все внутренние отношения между тем, что *фактически* воспринимается как значимое и тем, что должно обладать *значимостью* (Gültigkeit) в смысле локальных, временных и социальных ограничений трансцендирующих притязаний, Кляйн ослабляет это понятие: «Итак, зна-

¹³ Klein (1980), 49. Сравните также: *Finocchiaro M.A.* The Psychological Explanation of Reasoning, Phil. Soc. Sc., 9, 1979, 277 ff.

¹⁴ Klein (1980), 19.

чимое (Geltende) и сомнительное (Fragliche) релятивны в своем отношении к личностям и к временным моментам»¹⁵.

Кляйн, ограничивая «коллективно действительное» фактически выраженными и согласованными (akzeptierten) убеждениями, подводит аргументацию под описание, которое уменьшает попытки убеждения до масштаба решающего измерения. Такое описание в силу этого является совокупностью оснований (Gründe), которые мотивируют участников процесса аргументации убедить себя в чем-нибудь; но эти *основания подготовлены как непрозрачные (opake) поводы для изменения точки зрения*. Описание Кляйна нейтрализует все масштабы, которые могли бы сделать оценку рациональности оснований; оно предлагает теоретику внутреннюю перспективу, по отношению к которой он мог бы адаптировать свой масштаб суждения. Поскольку мы располагаем предложенными Кляйном понятиями, один аргумент является столь же значимым, сколько и любой другой, если он ведет к тому, чтобы «обоснование согласовывается непосредственно»¹⁶.

Кляйн осознает опасность, которая должна возникнуть для *логики* аргументации, если понятие значения (Geltung) вытесняется понятием согласия (Akzeptanz): «... при этой склонности (Ansatz), как это могло бы показаться, истина и отношение к реальности устраняются тогда, как речь об этом по возможности должна была бы пойти в аргументации; это выглядит таким образом, что при этом способе рассмотрения было бы важно только то, кто высказывается, а не то, кто прав; это было бы в любом случае тяжким заблуждением...»¹⁷.

Логика аргументации требует понятийных рамок, которые позволили бы феномену своеобразного непринудительного принуждения (zwanglosen Zwangs) принять во внимание лучший аргумент: «Развитие подобного аргумента ни в коем случае не является дружеским единением на основе каких-нибудь воззрений. То, что значимо (gilt) для коллектива, для одного из участников при определенных обстоятельствах может в прагматическом отношении быть очень непривлекательным; но если это происходит на основе зна-

¹⁵ Klein (1980), 18. Ради иллюстрации Кляйн обращается к примеру группы сектантского типа (eine sektiererische Gruppe), которая полагает, что религия вредна для народа, обосновывает тем, что оно встречается в произведениях Ленина. В этой группе, для того, чтобы «что-нибудь коллективно сомнительное трансформировать в что-нибудь коллективно действительное» ограничиваются обращением к авторитету Ленина. Кляйн использует эти понятия преднамеренно так, что оказываются обойденным вопрос о том, на какие обоснования эти люди, которые нам могут показаться сектантами, могли бы сослаться при определенных обстоятельствах, чтобы убедить других в том, что теоретические заявления, которые Ленин предлагает для соответствующих феноменов, превзойдены с помощью конкурирующих утверждений, например, Дюркгейма или Вебера.

¹⁶ Klein (1980), 16.

¹⁷ Klein (1980), 40.

чимых (geltender) переходов от значимого (Geltendem), то это имеет значение – независимо от того, желает ли он этого или нет. Противостоять мышлению затруднительно. Переходы от значимого (Geltendem) к значимому (Geltendem) происходят в нас, нравятся ли нам это или нет»¹⁸. С другой стороны, неизбежными являются релятивистские последствия, если коллективно значимое рассматривается лишь как совокупность социальных фактов, а, следовательно, без внутреннего отношения к рациональности оснований: «Это проявляется... произвольно, независимо от того, стало ли это или же то для отдельного человека или коллектива значимым: одни верят в одно, другие в другое, и то, что реализуется, зависит от случайностей, от большего риторического искусства или от физического насилия. Это ведет к некоторым малоудовлетворительным последствиям. Следовало бы смириться с тем, что для одного имеет значение «Люби ближнего своего как самого себя», а для другого – «убей своего ближнего, если он тебе в тягость». Было бы также трудно понять, почему либо осуществляется исследование, либо вообще люди стремятся к познавательному успеху (Erkenntnisgewinn); для одного человека является действительным, что земля является диском, для другого – что она является шаром или индюком; первый коллектив является самым большим, третий – самым маленьким, второй – самым агрессивным; большее «право» не может ограничиться ни одним из них (хотя все же правильным, без сомнения, является второе представление)»¹⁹.

Дилемма теперь состоит в том, что Кляйн мог бы не принимать в расчет релятивистские последствия и равным образом одновременно сохранять внешнюю перспективу наблюдателя. Он отказывается от того, чтобы отделять друг от друга социальное значение (Geltung) и значимость (Gültigkeit) аргументов: «Понятия истинного и вероятного, которые даны познающим индивидуумам и способ, с помощью которого они приобретают знание, следовательно, могут представлять собой какую-либо ценность (Nutzen), но для аргументации они нерелеванты; здесь речь идет о том, что имеет значение для отдельного человека»²⁰.

Из этой дилеммы пытается Кляйн найти примечательный выход: «Пограничным столбом (Scheidestein), отмечающим различия в значащем (Geltendem) является не их различия в содержании истины (Wahrheitsgehalt) – кто может судить об этом? – а имманентно действенная логика аргументации»²¹. Выражение «действенность» («Wirksamkeit») характеризуется в этой связи систематической двусмысленностью. Если аргументы значимы (gültig sind), то воззрение на внутренние условия их

¹⁸ Klein (1980), 30.

¹⁹ Klein (1980), 47.

²⁰ Klein (1980), 47.

²¹ Klein (1980), 48.

значимости (Gültigkeit) может обладать рационально мотивированной силой. Но аргументы также могут независимо от своей значимости влиять на точку зрения (Einstellung) адресатов, если она выражается только в ряду внешних условий, которые обеспечивают согласие (Akzeptanz) с ними. В то время как «действенность» («Wirksamkeit») аргумента могла бы быть объяснена с помощью психологии аргументации, для объяснения первого случая необходима логика аргументации (einer Logik der Argumentation). Кляйн тем временем постулирует третье, собственно аргументационную логику (eine Argumentationslogik), которая исследует значимые связи (Geltungszusammenhänge), такие как эмпирические закономерности. Она должна без обращения к понятию объективного значения (Geltung) описать законы, которым в данном случае вопреки своим склонностям и, несмотря на внешние воздействия, подчинены участники аргументации. Такая теория должна то, что участникам процесса аргументации является как совокупность внутренних связей между значимыми высказываниями (gültigen Äusserungen), проанализировать как совокупность внешних связей между номологически связанными событиями.

Кляйн эту обнаруженную им самим дилемму может преодолеть только ценой категориальной ошибки (допускаемой умышленно?), ставя в то же время логике аргументации задачу, которая могла бы быть решена только с помощью номологической теории наблюдаемого поведения (beobachtbaren Verhaltens): «Я полагаю, что при систематическом анализе фактической аргументации – как и при всякой эмпирической анализе – можно обнаружить относительно устойчивые закономерности, в соответствии с которыми и осуществляется аргументация, а именно, логику аргументации. И я помимо этого полагаю, что это понятие содержит многое из того, что обычно понимают под «рациональностью аргументации»²². Кляйн стремится преподнести (aufziehen) логику аргументации как номологическую теорию и поэтому вынужден ассимилировать правила в качестве причинных закономерностей, а основания – в качестве причин»²³.

²² Klein (1980), 49 f.

²³ Это объясняет, почему Кляйн в качестве примера в высшей степени неубедительным образом сравнивает патологические отклонения от правил аргументации со сверхдетерминацией (Überdeterminierung) физических явлений: «Само собой разумеется, что в процессе аргументации действуют помимо ее собственной логики и другие закономерности, и поэтому не все, что высказано в аргументации, соответствует ей. Так же падающее яблоко, безусловно, подчинено закону гравитации, и этот закон можно изучать на примере падающего яблока и других тел, движущихся относительно друг друга. Но движение яблока определяется и другими законами. Я говорю об этом, потому что ссылка на аргументацию среди заблуждений столь же мало можно рассматривать как возражение против осуществленной экспликации, как и метание яблока – в качестве возражения против закона гравитации» (Klein, 1980, 50).

Парадоксальные последствия этого рода возникают из попытки спроектировать логику аргументации, исходя *исключительно* из перспективы протекания процесса коммуникации, и изначально избежать того, чтобы проанализировать процессы возникновения консенсуса как и нацеленность на рационально мотивированное согласие, а также как дискурсивное подтверждение (*Einlösung*) притязаний на значимость. *Ограничение абстрактным уровнем риторики* влечет за собой следствие, что оказывается в небрежении внутренняя перспектива конструирования по образцу (*Nachkonstruktion*) значимых связей (*Geltungszusammenhängen*). Отсутствует понятие рациональности, которое позволило бы создать внутреннее отношение между «их» и «нашими» стандартами, между тем, что значимо «для них» и «для нас».

Перевод А.Б. Рахманова

+ Научные доклады

В.А. ВОЛКОВ

ИДЕЯ СВОБОДЫ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ КАНТА

Юбилей великого немецкого мыслителя дает возможность оценить масштаб и актуальность исследования политики в немецкой политической философии для современной политической мысли. Обращение к теме инициировано драматизмом той ложной альтернативы, перед которой оказались сегодня многие политические субъекты: либо либеральная демократия с дальнейшим вхождением в глобальную мировую экономику с угрозой потери политической субъектности, либо деспотический режим с утратой всех свобод, международной изоляцией и уходом с исторической арены.

Один из известных «пророков» однополярного мира Ф. Фукуяма считает, что либерализму нет альтернативы, все политические цели известны, а потому известна и судьба народов, ведущая их в «перспективу многовековой скуки»¹.

Сегодня политика все более начинает трактоваться как технология достижения целей. Технологическое понимание политики исходит из предположения, что ценности либеральной идеологии очевидны для современного мира.

Ее принципы получили современную интерпретацию в концептах рационального выбора и методологического индивидуализма, согласно которым «поведение людей может быть понято, если допустить, что они всегда действуют (в рамках имеющихся возможностей) в целях максимализации собственной удовлетворенности... и, несмотря на то, что люди всегда действуют в определенном социальном окружении, подвергаясь влиянию поступков и мнений

Волков Виталий Александрович – доктор политических наук, профессор, профессор Северо-Западной академии государственной службы (Санкт-Петербург).

¹ Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. 1990. № 3. С. 148.